
Т. А. Колева

ЗИМНИЙ ЦИКЛ ОБЫЧАЕВ ЮЖНЫХ СЛАВЯН

(К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОМ
АНАЛИЗЕ ОБРЯДНОСТИ)

Накопление все большего количества фактических знаний в этнографии неминуемо приводит к поискам новых методов и обобщений, уточнению связей между изучаемыми явлениями. Именно поэтому в последние годы все большее внимание привлекает вопрос о возможности использования системно-структурного анализа в этнографии в целях выработки единого подхода к этнографическим явлениям и раскрытия их внутренних закономерностей. В статье сделана попытка применить методы структурно-типологического анализа и теории систем к исследованию новогодних обычаев южных славян.

Обычаи представляют собой сложные социально-бытовые явления, состоящие из разных по происхождению элементов, которые в зависимости от своих функций можно группировать по-разному и в отдельных конкретных случаях выделять в ту или иную целостность. Так, магические по происхождению элементы представляют собой различные целостности в календарных праздниках, трудовых обычаях и семейной обрядности.

Структурно-типологический подход к этнографическим явлениям дает широкие возможности для раскрытия их специфики и закономерностей. Но в связи с тем, что различные системные образования в этнографических явлениях развиваются и изменяются в соответствии с историческими процессами, при их изучении необходимо сочетать системно-структурный анализ с историческим подходом. Этнографические явления существуют не только в определенной географической, но и в исторической среде, в них скрыты как пространственно-причинные связи, так и историко-генетические зависимости. Изучение первых способствует раскрытию функций данной этнографической системы в соответствии с природно-географической средой; изучение вторых объясняет их генезис в зависимости от общего исторического развития того или другого народа, его культурного уровня и т. д. При этом подходе исследователь сам определяет критерий сравнения, выбирая те или другие элементы в зависимости от поставленной задачи. При типологических исследованиях можно исключить фактор времени, вернее — изучаемые явления можно рассматривать в определенные периоды, руководствуясь хронологической стратификацией, причем каждый период будет совокупностью фактов, образующих систему. Структурно-типологическое исследование дает возможность увидеть данное этнографическое явление как целое и в то же время проследить его связи с другими явлениями. Подобные исследования требуют определенной терминологии, в частности, использования таких понятий, как система, структура, компоненты (элементы или признаки), подсистема, субструктура, типология, обозначающих те или иные явления¹.

¹ Н. Стефанов, Методологические проблемы структурного анализа, София, 1967, стр. 27—35.

Еще К. Маркс в своем исследовании развития капитализма подходил к различным общественным явлениям как к системам и делал послойный анализ различных ступеней развития общественной системы капитализма, рассматривая каждую отдельную структуру как совокупность отдельных элементов, связанных между собой по определенным принципам, взаимоотношениям и нормам². Оперирование конкретной терминологией дает возможность разграничивать отдельные явления или их элементы, раскрывает их взаимоотношения³.

Так как этнографические факты, в том числе и обычаи, не являются гомогенными феноменами, а представляют собой комплексы различных по происхождению элементов, то системно-структурное изучение позволяет группировать и классифицировать их по определенным признакам. Системно-структурный анализ приводит к известной формализации изучаемых явлений, что необходимо при раскрытии внутренних закономерностей и при построении моделей этих явлений⁴. Приложение системно-структурного анализа к такому объекту, как новогодние обычаи, означает рассмотрение его как составленного из множества связанных между собой компонентов, которые находятся в определенном порядке и являются цельным структурным образованием. При этом анализе необходимо оперировать такими понятиями: ряд компонентов, из которых составлен данный объект; взаимоотношения компонентов друг с другом; целостность объекта, как сложного образования, и его отношение, как определенной целостности, к другим объектам, с которыми он при соответствующих условиях входит в более широкую систему или во взаимные связи.

Святочно-новогодние праздники южных славян, приходящиеся на конец старого и начало нового года,—сложный комплекс различных обычаев, имевших в прошлом определенную целенаправленность. Они связаны с различными сферами быта, но их основной целью было обеспечить путем всяких «чудодейственных» магических обрядов здоровье, счастье и благополучие определенного коллектива. Будучи средством связи между поколениями и средством передачи трудового опыта, они также сохраняют некоторые черты исчезнувшей социально-бытовой среды, которая их создала.

При знакомстве с содержанием и общей функцией новогодних обычаев и обрядов на первый план выходит их последовательность по времени исполнения. Но так как обычаи — это динамично-исторические системы, непрестанно развивающиеся и изменяющиеся (ведь их творцами являются люди), то можно наблюдать интересные процессы изменения и перегруппировки отдельных компонентов этих систем. Путем усовершенствования и обогащения своей практической деятельности, овладения объективными закономерностями жизни природы, человек осознает иллюзорность все большего и большего числа связей между природой и той своей деятельностью, которая выражается во множестве обрядов⁵. Тогда он своеобразно переосмысливает или перестает исполнять эти обряды, убедившись в их бесполезности. Таким образом, постепенно происходит перегруппировка и даже распад обрядов и обычаев, нарушение цельных систем, которые они образуют.

Новогодние обычаи у южных славян, как они зафиксированы в этнографических описаниях,—часть календарной обрядности, в которой они

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 92 и др.; т. 25, ч. II, стр. 354.

³ Е. М. Штаерман, К проблеме структурного анализа в истории, «Вопросы философии», 1968, № 6, стр. 20—22; М. А. Барг, Структурный метод в историческом исследовании, «Вопросы философии», 1964, № 10, стр. 85.

⁴ Н. Стефанов, Указ. раб., стр. 83—125; Т. Колева, По някои въпроси от проблематиката на южнославянските обичаи при септември, «Известия на Етнографския институт и музей», София, 1967, кн. X, стр. 189—194; ее же, О некоторых вопросах развития обычаев, «Сов. этнография», 1969, № 1, стр. 68—78.

⁵ Ю. И. Семенов, Как возникло человечество, М., 1966, стр. 348, 383.

занимали центральное место как в языческий, так и в более поздний христианский период. Они связаны с трудовым опытом и навыками крестьянина, с его стремлением понять закономерности и связи в природе, от которых зависит результат его практической деятельности. Хотя южнославянская обрядность в общих чертах хорошо изучена и даже выделены многие ее компоненты, важные для понимания сущности этой обрядности, а также известна их группировка в разные дни или их повторение в различные моменты цикла, все же она не вполне раскрыта. Основные компоненты этой обрядности, создающие структуру целой системы, следующие: рождественское полено, обрядовый стол, полазник (первый посетитель), гадания и предсказания, колядование, ряженные. Основу новогодних обычаев у южных славян составляет производственно-магическая практика, позже превратившаяся в обряды, которые совершаются до начала нового годового цикла сельскохозяйственной деятельности, с целью обеспечить благосостояние и нейтрализовать враждебные силы природы. Сущность каждого компонента становится особенно ясной на фоне всего содержания новогоднего обрядового цикла.

Рождественское полено *бадняк* — один из основных компонентов этого цикла. Он входит составной частью в систему новогодних обычаев всех южных славян и чаще всего приурочен к кануну рождества — сочельнику. Известные различия этого компонента — усложнение или упрощение связанной с ним ритуальной практики — наблюдаются в обрядности ряда южнославянских народов, что свидетельствует о большой устойчивости этой традиции, а также неравномерном распадении. Приемы изготовления рождественского полена, старание не дать ему погаснуть, приписывание ему свойств, способствующих плодородию, — все это говорит о вере в магическую силу бадняка, весьма важную для зимнего периода аграрного года. Чаще всего полено вырубает из дуба или груши, чтобы огонь горел дольше. Рубка дерева, внесение полена в дом сопровождаются у всех южнославянских народов различными церемониями. Такие особенности, как вера в плохое предзнаменование, если рубщик во время рубки дерева упадет на землю, стремление сделать так, чтобы срубленное дерево падало в сторону востока, несение полена на правом плече, помазание его маслом и вином, завертывание в белое полотно и другие ритуалы — все это свидетельствует о важной и устойчивой функции бадняка в новогодней обрядности. Число поленьев варьирует так: в Герцеговине православные и католики рубили по три полена, а иногда — по числу мужчин в семье. В Далмации полено рубили не только к рождеству, но и к Новому году и крещению (праздник Три короля).

Часто в этих районах обрядовое дерево украшали ветками самшита и оливы. Интересная разновидность бадняка встречается у пастухов Герцеговины, и ее можно считать субкомпонентом обрядового дерева: ветки самшита обматывают красными нитками и называют их «чобански бадњаци»⁶. Подобные обычаи известны и среди пастухов Далмации. Функция пастушеских бадняков, не связанных с огнем, несколько отличается от основной функции рождественского полена. Это говорит о том, что они являются, возможно, древним элементом, интегрированным в комплексе обрядового дерева, что произошло благодаря сходному содержанию их основной функции — обеспечивать урожай (у земледельцев) и приплод скота (у скотоводов).

Названия рождественского полена у южных славян, как правило, общие, но есть и различия в этих названиях, не раскрывающие, однако, каких-нибудь дополнительных значений функции обрядового дерева.

⁶ Б. Дробњак о в ић, Етнологија народа Југославије, Београд, 1960, стр. 178—179.

В Болгарии полено называют «бѣдняк», «прекладник», «коладник», «коледник»⁷. В Сербии известны названия «бадняк», «коладник», «прекладник», «весельак»⁸, в Хорватии и Словении — «божични пань», «глава», «чок» «божич», «бадняк»⁹.

Многочисленные ритуалы, связанные с изготовлением полена¹⁰, его воспевание в рождественских обрядовых песнях, отношение к нему как к живому существу — все это свидетельствует о том, что, по всей вероятности, оно некогда олицетворяло какое-то древнее языческое божество или служило его атрибутом. Весьма сомнительны гипотезы о связи бадняка с культом Перуна, или о его сущности как фетиша защитного характера¹¹. Более вероятно, что горение полена связывалось с представлением о возрождении солнца и с началом нового солнечного года. Несомненна также связь бадняка с культом предков. По народным верованиям, накануне рождества возле очага собирались души умерших членов семьи. Полено зажигалось и огонь поддерживался старшим мужчиной в семье. Верования, связанные с горением полена, — чем сильнее горит, тем более урожайным будет год и т. п., ритуальное посыпание золы от полена на нивы, примешивание ее к семенам, употребление в качестве лекарственного средства, а также изготовление из кусков срубленного на бадняк дерева частей рала — все это раскрывает древнюю магическую основу, связанную с производственной аграрной практикой.

Другой важнейший компонент новогоднего цикла — обрядовый стол или обрядовая трапеза. Он входит в систему обрядности крупнейших праздников — рождества, Нового года, крещения (Трех королей) почти у всех южных славян. В Болгарии, преимущественно в южной (т. е. Фракии), обрядовый стол накрывают и в день св. Игната. Этот обычай встречается и в других районах, где есть переселенцы из Фракии, например в Добрудже.

Обрядовый стол появляется у южных славян три раза не случайно. Зима — один из самых важных подготовительных периодов в аграрном календаре, с ней было связано основное звено системы аграрных обычаев. Используя этот период в своей борьбе за урожай, крестьянин несколько раз повторял одни и те же обрядовые элементы, имевшие идентичную функцию. На обрядовый стол ставили блюда, приготовленные из плодов всех земледельческих культур, выращиваемых в хозяйстве. Это было связано с верованиями о том, что изобилие на столе приведет к богатому урожаю в новом хозяйственном году. В далеком прошлом обрядовую трапезу, как и обычную, устраивали на полу. Лучшее всего этот обычай сохранился у болгар и сербов. У хорватов и словенцев ставили еду на стол; там даже не помнят о том, чтобы трапеза устраивалась на полу¹².

⁷ Д. Маринов, Народна вяра и религиозни народни обичаи, СБНУ, кн. XXVIII, София, 1914, стр. 279; Хр. Вакарелски, Български празнични обичаи, София, 1943, стр. 15, 16; М. Арнаудов, Български народни празници, София, 1943, стр. 33, 34.

⁸ Б. Дробняковић, Указ. раб., стр. 177—180; «Народи Југославије», стр. 88; С. М. Милојевић, Песме и обичаји укупног народа српског, Београд, 1875, стр. 63—65; Е. Schneeweis, Die Weinachtsbrauche der Serbokroaten, Wien, 1925, S. 174; П. Костић, Новогодни обичаји, «Јадар-вуков завичај», «Гласник Етнографског музеја у Београду», Београд, 1964, кн. XXVII, стр. 403; его же, Разлике у новогодишњим обичајима у областима косовског-ресавског и млаћег херцеговачког говора, «Гласник Етнографског музеја у Београду», Београд, 1963, кн. XXVI, стр. 71.

⁹ V. Nowak, Slovenska ljudska kultura, Ljubljana, 1960, str. 217, 218; М. Турнšek, Pod vernim krovom, Ljubljana, 1943, кн. 1, str. 41—44; Е. Schneeweis, Указ. раб., стр. 174.

¹⁰ А. Афанасьев, Поэтические воззрения славян на природу, М., 1869, т. III, стр. 733—739.

¹¹ А. Афанасьев, Указ. раб., т. III, стр. 739; Б. Дробняковић, Указ. раб., стр. 180.

¹² Б. Дробняковић, Указ. раб., стр. 176—193; М. Турнšek, Указ. раб., стр. 3—44; М. Арнаудов, Български народни празници, София, 1943, стр. 20—53; Хр. Вакарелски, Български празнични обичаи, София, 1943, стр. 113.

В Болгарии и Сербии при устройстве обрядовой трапезы на пол стелют солому, которую накрывают скатертью. На скатерть ставят обрядовые блюда¹³. В Хорватии и Словении солому стелют под стол¹⁴. Очень часто в солому кладут лемех, сошник, а саму соху ставят за дверь. В Болгарии бытует также обычай подсыпать в солому пшеницу. В Сербии корзину с пшеницей ставят возле обрядового стола. Кладут в солому также хомут, узду. В районах с развитым животноводством (овцеводством) под стол ставят посуду для переработки молока. В Герцеговине в числе обрядовых предметов фигурируют серп, лемех, молот. Эти железные изделия несут апотропейную функцию. Обрядовая трапеза на полу связана, вероятно, с культом предков. Многие из обрядовых кушаний, которые считаются обязательными для каждого обрядового стола (вареная фасоль, пшеница, орехи, чеснок), связаны, может быть, с поминальными обычаями. Например, у римлян фасоль была традиционным обрядовым блюдом на поминках. Но эта функция постепенно забывается и заменяется новой, связанной с заботой о богатом урожае. Употребление чеснока в новогодней обрядности имеет апотропейную функцию — его не только ставят на стол, но и носят на себе как оберег.

В обрядовую трапезу входят и ритуальные хлебы, имеющие самые разнообразные названия, но выполняющие у южных славян одну и ту же функцию¹⁵. В Болгарии в зависимости от функции хлеба в обряде распространены такие три группы названий: «боговица», «боговая пита», «колак» (каравай), «божичняк», «вечерняк» — хлебы с серебряной монетой внутри, служащей для предсказания счастья. Эти хлебы считаются посвященными самому празднику; «бъчва» (бочка), «кошара» (овчарня), «егрек» (загон), «крава» (корова), «свиня» (свинья) — хлебы с украшениями, посвященные земледелию и животноводству; наконец, «благословняк», «наречник», «коладник», «витый каравай» — хлебы, как это видно из некоторых их названий, предназначенные для одаривания колядников и ряженных¹⁶. Сербские и хорватские обрядовые хлебы имеют, как правило, сходные названия, но среди них есть и такие, которые не встречаются у других южных славян: «чесница», «гибаница», «божићњак», «бадњаћа», «коледа», «љетница»¹⁷, «чобаница» (для пастуха), «волућа» (для вола), «ратарка» (который дается батракам), «орачица»¹⁸. У словенцев тоже готовятся самые разнообразные по форме и различно украшенные хлебы: «божићник», с зооморфным символическим украшением, «попртник», «жупник», «мижник», «намижник», «сталник», «повстовиек», «стовиенк», «бобор дед», «куц крух»¹⁹, «божићни крух», «кrapце» (этот хлеб посыпан брыздой, орехами или вареным рисом)²⁰.

Обрядовые хлебы являются составным элементом обрядности при праздновании рождества (у сербов), рождества и Нового года (у болгар), рождества, Нового года и крещения (у хорватов и словенцев). Но независимо от своей конкретной локализации в определенных праздниках обрядовые хлебы имеют одинаковую функцию — связаны с жертвой божеству, покровителю урожая, и с культом предков, который сам по

¹³ Б. Дробнякович, Указ. раб., стр. 182; М. Арнаудов, Указ. раб., стр. 29.

¹⁴ М. Тигпсек, Указ. раб., стр. 39—45.

¹⁵ Б. Дробнякович, Указ. раб.

¹⁶ Д. Маринов, Народна вяра и религиозни народни обичаи, СбНУ, София, 1914, кн. XXVIII, стр. 280—303; М. Арнаудов, Указ. раб., стр. 28, 33, 34; его же, Коledни песни и обичаи, «Българско народно творчество». София, 1962, кн. V, стр. 56.

¹⁷ Б. Дробнякович, Указ. раб., стр. 183.

¹⁸ П. Костић, Новогодњи обичаји «Јадар-вуков завичај», стр. 411—416.

¹⁹ V. Novak, Указ. раб., стр. 218.

²⁰ М. Тигпсек, Указ. раб., стр. 31, 32.

себе тоже соприкасается с культом плодородия. Они обладают магической силой, их раздают людям и животным, чтобы обеспечить здоровье первых и плодovitость вторых; отдельные куски хлебов кладут в семена во время первого сева или разбрасывают в поле, чтобы обеспечить хороший урожай. Все это связано с верой в их магическую апотропейную и плодоносящую силу. У православных южных славян — болгар и сербов — обрядовый хлеб делает невеста или молодая женщина, а у католиков — хорватов и словенцев — мужчина, глава семьи. Некоторые исследователи, например С. Кулишич и П. Костиц, считают, что это связано с развитием патриархальных семейных отношений²¹. Но это сомнительно, потому что патриархальные семейные отношения распространены гораздо шире области, охватывающей Герцеговину, Хорватию и часть Словении.

С обрядовыми хлебами связан обычай «милати се» (показываться, выглядывать). Двое мужчин держат обрядовый хлеб «чесницу» и спрашивают друг друга: «Мидам ли се?» (Видно ли меня?), сначала следует ответ: «Милаш се мало» (Тебя немного видно), а затем — «Сад мало, а догодине ни мало» (Теперь мало, а в следующем году никак). Смысл этого обычая связан с пожеланием, чтобы в следующем году был богатый урожай и хлеб был настолько большим, что за ним нельзя было разглядеть человека. Впервые этот обычай отмечен в сербском словаре В. Караджича²². У других южных славян он не зарегистрирован, но похожие обычаи есть у белорусов, украинцев, греков и других народов. О сходном обычае у балтийских славян еще в XI—XII вв. сообщает Саксон Грамматик. Они преподносили богу Свентовиту огромный, с человеческого роста хлеб, называемый «меденик». Жрецы ставили этот хлеб между собой и толпой народа и спрашивали, видно ли их. Если народ отвечал отрицательно, предсказывалось, что будет хороший урожай. Это говорит о древности данного обычая, и, возможно, он был известен многим славянским народам.

В обрядовую трапезу у южных славян входит еще один субкомпонент, а именно — заклание какого-нибудь животного — свиньи, овцы, петуха или курицы. В Болгарии накануне рождества или в день св. Игната режут свинью²³, хотя праздничный стол в сочельник — постный. Как обрядовое блюдо свиная голова входит в новогодний ужин. В Сербии тоже режут свинью или петуха, причем чаще всего петуха — на пороге дома. Свинью режут под фруктовым деревом, а кровь подмешивают в корм скоту и птице, чтобы в течение года они лучше плодились. В западной Сербии и в Далмации, а также в Боснии и Герцеговине закалывают овцу. Овца в качестве жертвенного животного появилась в западной Сербии скорее всего под влиянием динарского горно-скотоводческого населения. В Болгарии зарезанное обрядовое животное не имеет специального названия, но в Сербии, Герцеговине, Далмации и Боснии жертвенную свинью называют «печеница», «божињак», «печиво», а овцу — «веселица», «заоблица»²⁴. Встречаются также названия «божак», «божура», «божица». В тех районах, где налицо смешение разных

²¹ П. Костић, Указ. раб., стр. 415; S. Kulisić, Porijeklo i značenje božićnog obrednog hljeba u Južnih Slovena, «Glasnik Zemaljskog muzeja», Sarajevo, 1933, kn. VIII, str. 19—37.

²² В. Караџић, Српски рјечник иступачен њемачкијем и латинскијем ријечима у Београду, Београд, 1898, стр. 369; А. Афанасьев, Указ. раб., т. III, стр. 745.

²³ М. Арнаудов, Български народни празници, стр. 27; З. Делиниколова, Указ. раб., стр. 141.

²⁴ П. Костић, Новогодишњи обичаји у Ресави, «Гласник Етнографског музеја у Београду», Београд, 1966, кн. XXVIII—XXIX, стр. 199, 200; е го же, Новогодишњи обичаји «Јадар-вуков завичај», «Гласник Етнографског музеја у Београду», Београд, 1964, кн. XXVII, стр. 406—408; е го же, Разлике у новогодншњим обичајима у областима косовског-ресавског и млаћег херцеговачког говора, «Гласник Етнографског музеја у Београду», Београд, 1963, кн. XXVI, стр. 72; Б. Дробњак-овић, Указ. раб., стр. 183.

этнических традиций — в западной Сербии, Герцеговине, Далмации и в Боснии — в новогодней обрядности есть три «печеницы»: свинья, курица (или петух) и овца. «Печеницей» и «веселицей» обычно бывают самки, что способствует, по поверью, большому приплоду у животных.

Убой животного в новогодней системе обычаев имеет скорее всего характер жертвы, едва ли можно считать его связанным с ритуальным съеданием тотемного животного. Обязанность каждого члена семьи отвешивать обрядовое блюдо, магическая сила крови, а также предсказывание будущего урожая по некоторым обрядовым блюдам свидетельствуют об интегрировании в этом субкомпоненте земледельческих и скотоводческих обычаев, совершаемых в начале хозяйственного года.

Третий компонент южнославянской системы обычаев, занимающий видное место в новогодней обрядности, — это «полазник» (первый посетитель). Этот обычай характерен для всех южнославянских народов. Его общая функция связана с поверьем, что от первого новогоднего посетителя зависит благополучие семьи в течение всего аграрного года. Вариантность, наблюдающаяся в его приурочении к определенному моменту, не ослабляет его связи с другими компонентами, и не меняет его места в системе обычаев. Это доказывает, что различное размещение элементов (компонентов) в одной системе, если они сохраняют свою основную функцию, а до некоторой степени и форму, не нарушает единства системы²⁵.

У болгар этот обычай связан чаще всего с днем св. Игната, называемым еще и «Полезовден». В некоторых районах он связан и с днем св. Варвары. Считается, что от первого посетителя зависит размножение домашней птицы. Предпочитают, чтобы полазником была женщина. Ее обычно называют «квочка». По поверью, это способствует тому, что большинство цыплят оказывается курами, а не петухами. Полазник у болгар называется также «сполазник», «полязник», «споходник», а сам обычай — «полазване», «споходжане». В некоторых районах Западной Болгарии в прошлом либо у каждой задруги был определенный полазник, либо им выбирали самого молодого и трудолюбивого мужчину в доме. В роли полазника у болгар выступали и некоторые животные: собака, петух. У сербов в отношении связи обычая с определенным днем календаря наблюдаются локальные различия, обусловленные позднейшими наслоениями, но само его содержание говорит о том, что первоначально он был связан с днем св. Игната. Позже его перенесли на канун или на первый день рождества. Для Сербии характерно одновременное существование двух полазников — животного и человека. Обычай полазника-животного связан с днем св. Игната, называемым также «куриное рождество». Хозяева вводили в дом и ставили возле очага вола, овцу, свинью или петуха. Это было характерно для восточной и юго-восточной Сербии. В западной же Сербии, Боснии и Герцеговине единственным полазником-животным была только овца, что связано со скотоводческой динарской традицией. Полазник-человек приходил в дом чаще всего в канун или в день рождества. В некоторых районах полазником выбирали того мужчину, который рубил и вносил в дом бадняк. Кроме названия «полазник», у сербов распространены и такие вариан-

²⁵ М. Арnaudов, Указ. раб., стр. 24, 25; Хр. Вакарелски, Указ. раб., стр. 119; Д. Маринов, Указ. раб., стр. 271; Р. Славейков, Български народни обичаи и вървания, София, 1924, стр. 147—149; F. Schneeweis, Указ. раб., стр. 170; П. Богатырев, «Полазник» у южных славян, мадьяр, словаков, поляков и украинцев, «Lud Slowanski», III, 1, 1932.

ты: «полаженник», «положајник», «положај»²⁶. Этот обычай имеет в Сербии длинную историю и был распространен еще в XV в.²⁷

Обычай полазника в Хорватии известен лишь в областях, где произошло смешение двух этнических традиций — сербской и хорватской. Там он называется, как и в Сербии, «положајник», «полажник»²⁸. Скорее всего, этот обычай существовал и у хорват, так как он зарегистрирован у всех остальных южных славян, но его исчезновение произошло, по всей вероятности, давно. В Словении приход «полазника» приурочен к дням св. Варвары, св. Люции, к первому и третьему дням рождества и Новому году. Местные названия полазника — «полажичи», «полажичие», «полажари»²⁹.

Ритуальные действия, связанные с приходом полазника — он всегда встречается как самый желанный гость, приносит зерна, сучья, обязательно приближается к очагу, садится рядом с ним и помешивает угли, одаривается хозяйкой дома, и т. д., — подчеркивают его особенно важное значение в новогодний период. Полазник чаще всего мужчина или ребенок, в очень редких случаях — женщина. Но установить здесь какую-то закономерность трудно. Тем не менее функциональная связь обычая с различными праздниками новогоднего периода, а особенно тот факт, что полазником в день св. Игната всегда бывает какое-нибудь животное, дает основание предполагать, что полазник-животное является более древней, возможно, первичной формой этого обычая. С другой стороны, в нем ясно видна идея о магии первого дня, так как день св. Игната почти у всех южнославянских народов воспринимается как начало нового аграрного года. Роль очага в обычае позволяет предполагать, что полазник имеет какую-то связь и с культом предков. В. Чайканович, П. Богатырев, К. Мошинский, С. Кулишич по-разному объясняют происхождение этого обычая, находя его связи с тотемизмом, либо с демоном растительности, либо с культом предков, но все они едины во мнении о том, что полазник-животное предшествовал полазнику-человеку. Это особенно ясно подчеркивается функциональной связью обычая с остальными элементами новогодней обрядности.

Наконец, еще один существенный компонент святочно-новогодней обрядности — гадания и предсказания. Они не связаны с определенными днями новогоднего периода и совершаются в различные дни. Их содержание разнообразно у отдельных южнославянских народов, но функция — общая и определенно целенаправленная. Их можно разделить на две группы: «личные», связанные с семьей или с отдельными ее членами (гадания о здоровье, счастье, предстоящем замужестве) и «трудовые», имеющие прямое отношение к хозяйственной деятельности (предсказания о будущем урожае и приплоде скота).

В Болгарии первая группа гаданий связана больше всего с Новым годом, а также с днем св. Игната и рождеством. Очень характерен в этой группе обычай «ладуване» («напевания колец и букетиков цветов»). В отличие от других новогодних гаданий, имеющих относительно индивидуальный характер, «ладувания» коллективны. У других славян

²⁶ «Народи Југославије», стр. 88; П. Костић, Новогодишњи обичаји у Ресави, стр. 205, 206; его же, Новогодишњи обичаји «Јадар-вуков завичај», стр. 411; его же, Разлике у новогодишњим обичајима у областима косовског-ресавског..., стр. 69; С. М. Милојевић, Указ. раб., стр. 59; В. Караџић, Живот и обичаји народа српскога, у Бечу, 1867, стр. 4; Јоан. Памучина, Славене божича у Херцеговини, «Србско-далматински магазин», Задар, 1866, стр. 76; Б. Дробњак-овић, Указ. раб., стр. 185, 186.

²⁷ Б. Дробњак-овић, Указ. раб., стр. 186.

²⁸ С. Паићева, Обичај о Божићу у Банији, «Србско-далматински магазин», Задар, 1867, стр. 67.

²⁹ «Народи Југославије», стр. 155; М. Турнšek, Указ. раб., стр. 55, 70.

этот обычай тоже встречается, но приходится на весенние праздники. что иногда имеет место и в Болгарии³⁰.

После окончания новогодней обрядовой трапезы все члены семьи бросают в огонь кизилевые почки и в зависимости от того, лопаются они или нет, узнают о том, будет ли в новом году здоров или болен данный член семьи.

Рождественский стол тоже связан с гаданиями: серебряная монета в ломте обрядового хлеба означает счастье, полный орех — здоровье, а пустой — болезнь. Девушкам не разрешается съедать первый кусок обрядового хлеба — они кладут его под подушку: кто из парней приснится, тот, считается, и будет суженым девушки. Гадания о семейном счастье девушки совершают и в день св. Игната. В Сербии распространено гадание на первой лопатке обрядовой свиньи — если в кости есть дыра, то это предсказывает смерть кого-либо из членов семьи. В Сербии встречается и обычай «напевания колец» накануне Нового года³¹.

Вторая группа гаданий, связанных с трудовой практикой крестьянина, однотипна по всей Болгарии. Так, об урожае гадают по числу пшеничных зерен, собранных с рождественского стола, и по горению рождественского полена. В некоторых районах ритуальный убой петуха совершается на пороге дома, и по тому, куда петух отскакивает — внутрь дома или за порог, — судят о том, каким будет предстоящий хозяйственный год — удачным или нет. Многие гадания второй группы тоже связаны с лопаткой обрядового животного, по ним предсказывают урожай зерна и приплод скота³². Во время изготовления обрядовых хлебов тоже гадают о будущем урожае³³.

Много общего в хорватских и словенских гаданиях. Так, накануне дня св. Барбары срезают веточки какого-нибудь плодового дерева и ставят их в воду, чтобы они распустились до рождества. Каждый член семьи отмечает свою веточку. Если чья-нибудь веточка не распустится и засохнет, то считается, что он умрет в новом году. Немалое место в системе святочно-новогодних обычаев занимают у южных славян обычаи колядования и ряжения. Эти два обычая местами — в восточной Сербии и в западной Болгарии — сплетаются между собой: это, видимо, свидетельствует о смешении двух этнических традиций. К сожалению, недостаток места в настоящей статье не позволяет рассмотреть здесь названные обычаи: им следовало бы посвятить особую статью.

* * *

Такова краткая этнографическая характеристика основных компонентов новогодней системы обычаев южных славян. Она дает возможность раскрыть некоторые ее типологические структурные и функциональные закономерности. Группа обычаев, относящихся к определенной сфере быта и представляющих собой реальную целостность, отражающую определенные отношения, образует систему. О системе можно говорить в том случае, когда между частями целого существуют такие связи и отношения, которые обуславливают специфическую роль целого и частей целого. Связи, характеризующие основную роль новогодних обычаев, раскрывают функциональную обусловленность каждого компонента в различные моменты новогоднего периода. Эти связи — самые важные в данной системе, потому что одновременно они создают устойчивость структуры, ее функционирования, т. е. воспроизводство. Функ-

³⁰ М. Арнаудов, Указ. раб., стр. 46—48; Хр. Вакарелски, Указ. раб., стр. 10—14; Д. Маринов, Указ. раб., стр. 339—342.

³¹ С. М. Милојевић, Указ. раб., стр. 77—79.

³² П. Костић, Указ. раб., стр. 408; Б. Дробњакović, Указ. раб., стр. 183.

³³ «Народи Југославије», стр. 88.

циональные связи раскрывают внутренний механизм такого сложного явления, как святочно-новогодние обычаи, и создают органическое единство и целостность из отдельных его компонентов (элементов). Независимо от различной вариантности отдельных компонентов, от их локализации в различные дни новогоднего периода, их функция остается однотипной. Это обеспечивается общей целенаправленностью новогодних обрядов, имеющих задачу путем чудодейственных приемов обеспечить надежду крестьянина на урожай, приплод и личное здоровье в течение нового года. Эти обряды связаны и с самим трудовым процессом, который в зимний период представляет собой не реальность, а только проекцию. Для того, чтобы превратить ее в действительность, она усиливается путем исполнения ряда магическо-аграрных ритуалов.

В новогодней системе обычаев синхронно функционируют разные по своему назначению элементы. Так, все элементы, связанные с трудовой деятельностью, а именно: обрядовая трапеза, рождественское дерево, первый посетитель — бытуют одновременно с элементами, связанными с личным счастьем, здоровьем, замужеством.

Компоненты, создающие структуру новогодней системы обычаев, одновременно и многофункциональны, так как они выполняют разные функции, обеспечивая успех не только земледельческого года, но и скоотоводческого, благополучие не только личное, но и коллективное, а их взаимосвязь становится сложней. В зависимости от того, какая функция в системе обычаев преобладает, внутренняя структура изменяется в новом соотношении, т. е. получает новую функциональную последовательность. В этом отношении примером может служить обычай колядования: в нем соотношение обрядовых песен изменяется в зависимости от состава семьи, в честь которой исполняется колядка.

Взаимосвязи между компонентами влияют и на создание психических стереотипов как в личной, так и в общественной жизни человека. В период святочно-новогодних празднеств они превращаются в нормы, которые контролируют и направляют деятельность человека, его поведение в коллективе.

Постоянные компоненты (инварианты) новогодней обрядности, которые повторяются более или менее модифицированно в отдельных системах обычаев южнославянских народов, создают структуру всей новогодней системы. Эти инварианты определяют и ее типологию. Однако они варьируют, усложняясь или упрощаясь по содержанию и форме. Например, компонент «рождественское полено» обнаруживает различия. Различия наблюдаются и в самом процессе изготовления полена. Варьирует и содержание компонента «первый посетитель». Ритуальная практика, связанная с его встречей, символические действия, которые он совершает возле огня, одаривание его хозяйкой — все это имеет специфическое содержание у каждого народа, отражающее конкретную социально-бытовую и культурно-историческую среду. Однако при этом сохраняется его общая функция, характеризующая внутреннее развитие созданного стереотипа.

Структурно-типологическое исследование дает возможность конкретно определять компоненты и обозначить границы данной системы обычаев, которая, представляя собой комплекс стереотипов со сложной ритуальной практикой, характеризует определенный период в жизни определенного коллектива или одного человека. Сопоставление отдельных компонентов раскрывает их внутреннюю взаимосвязь, которая не случайна, а является следствием логической последовательности функциональных связей. Например, обрядовая трапеза связана, с одной стороны, с рождественским поленом, а с другой — с гаданиями. Другой пример — эта связь между обычаем ползника и гаданиями. Колядные группы связаны с обрядовой трапезой посредством обрядовых хлебов, которые они получают в подарок. Ряженые и колядные группы пред-

ставляют собой еще один пример взаимосвязи, причем в некоторых районах эти группы сливаются.

Строгая последовательность элементов в системе и их функций во временном отношении представляют собой своего рода линейный ряд. Некоторые отклонения, наблюдающиеся в последовательности функций или в их иной повторяемости, не нарушают общей связи; иногда вводится и обратная последовательность (для усиления функции). Это делается из желания достичь больших успехов в следующие периоды нового аграрного года.

Взаимосвязь и последовательность элементов в структуре создают целостность системы новогодних обычаев, раскрывают ее связи с другими системами, которые тоже представляют собой целостность. Так, элемент гадания повторяется и в дни весенних и летних праздников, причем он может сохранить содержание и форму, как это происходит с элементом «напевания колец или букетиков цветов», или же изменяет свое содержание и форму, но сохраняет функцию. Элемент обрядовых хлебов входит в систему других праздников, причем в зависимости от характера праздника изменяется форма и декор хлебов, но функция сохраняется.

Обычаи представляют собой динамично-исторические системы, непрерывно развивающиеся и изменяющиеся. Можно наблюдать интересные процессы изменений и перегруппировок их элементов с целью приспособиться к новым условиям функционирования данной системы. Подобный процесс идет и в новогодней системе обычаев: постепенно происходит ассимиляция одних элементов другими, производится сокращение и изменение структуры. Так называемые трансформационные связи системы раскрывают также совместное существование и взаимосвязь элементов ее прошлого развития с элементами перехода к будущему³⁴. Трансформационные связи раскрывают отношения между новогодней обрядностью и системой социальной структуры, в которой функционируют данные обряды и обычаи.

Итак, структурно-функциональный анализ отдельных элементов в любой системе обычаев, детерминированной историческими условиями, дает возможность установить закономерности, специфические для любой объективно существующей целостности, какую в данном случае представляют собой новогодние обычаи.

THE WINTER CYCLE OF CUSTOMS AMONG SOUTHERN SLAVS (TO THE PROBLEM OF THE STRUCTURAL TYPOLOGICAL RESEARCH INTO CUSTOMS)

An attempt is made in the article to apply the structural-typological method to comparative studies on the winter cycle of calendar customs and rituals among South-Slav peoples. In the author's opinion this method permits the researcher to understand these customs and rituals as a single whole on the one hand and to trace their connection with other aspects of peoples' life and customs on the other. The author examines the major components of Christmas — New Year ritual: «the Christmas log», the ritual board of fare, the first luck-bringing visitor (*polaznik*), fortune-telling and prediction, Christmas ritual songs (*koliada*), mummary.

³⁴ М. А. Барг, Указ. раб., стр. 87—89.